

Юлия Бекичева
Олег Бондаренко

Любовник леди Чаттерлей, Эммануэль:

порнография,
ставшая классикой

Юлия Бекичева

**Любовник леди Чаттерлей,
Эммануэль: порнография,
ставшая классикой**

«Грифон»

2024

УДК 791.43.03
ББК 85.373(3)

Бекичева Ю.

Любовник леди Чаттерлей, Эммануэль: порнография, ставшая классикой / Ю. Бекичева — «Грифон», 2024

ISBN 978-5-98862-811-8

«Любовник леди Чаттерлей» – книга, за чтение которой в начале тридцатых годов прошлого столетия можно было угодить в тюрьму. Роман изымали из продажи и уничтожали его. «Эммануэль» – фильм, которому было отказано в прокате по причине его непристойности. Дэвид Лоренс и Сильвия Кристель, писатель и актриса... Разминувшиеся во времени, оба они преступили границы дозволенного и вышли к публике нагими, оба подверглись осуждению и преследованию со стороны цензоров и власть предержащих... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 791.43.03
ББК 85.373(3)

ISBN 978-5-98862-811-8

© Бекичева Ю., 2024
© Грифон, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Юлия Бекичева, Олег Бондаренко

Любовник леди Чаттерлей, Эммануэль: порнография, ставшая классикой

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой её части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения автора.

© Ю. Бекичева, О. Бондаренко, 2024

© Aoliege, оформление, 2024

* * *

Еще недавно профессиональный фотограф, а ныне – крупный американский издатель, вместе со своими коллегами оказавшийся на скамье подсудимых по обвинению в публикации и распространении непристойного романа Дэвида Герберта Лоренса «Любовник леди Чаттерлей», Барни Россет испытующе смотрел на судью.

В тот момент, когда обвинитель произнес вслух слово «трахаться», судья поджал губы, громко забарабанил пальцами по столу и заинтересовался тем, что происходило за окном.

Присутствовавшая в зале разношерстная публика реагировала на услышанное по-разному: женщины прятали ухмылки, поднося платки к губам, мужчины прикрывали смеющиеся глаза ладонями или – не без усилий – пытались сохранять невозмутимый вид.

«Что такое секс, Барни? – вспомнил Россет слова приятеля, занимавшего в его издательстве пост одного из редакторов. – Это голос нашего подсознания. Во время секса прорывается все самое потаенное. Люди вдруг начинают трепетать рядом с теми, кого не позволяют себе любить, но кого по-настоящему любят. Во время секса мы освобождаемся ото всего самого болезненного, неистового, нервного, животного в нас. Скупые на слова и ласки при свете дня, женщины и мужчины становятся нежными и страстными ночью. Но почему же люди так боятся своих чувств? Почему так глупо и отчаянно стыдятся себя?»

Сколько талантливых, написанных Генри¹ произведений сгноили и еще сгнойт в подвале нашего почтового департамента? Сколько прекрасных книг становятся предметом – подумать только! – судебных разбирательств: изматывающих, длящихся годами?

Такое ощущение, что наши цензоры, наши судьи, наши прокуроры не трахаются, не мочатся, не бранятся».

Как же прав был его приятель... Там, по улицам, ходят цивилизованные, а главное, свободные граждане своей страны. На календаре – конец пятидесятих годов двадцатого столетия, но люди до сих пор не научились спокойно говорить о том, что является неотъемлемой частью их повседневной жизни.

Мысли его прервал голос обвинителя:

– А знаете ли вы, откуда автор «Любовника леди Чаттерлей», мистер Дэвид Герберт Лоренс, черпал информацию для своего произведения?

Так и не дождавшись ответа на поставленный вопрос, он продолжил:

---

¹ Генри Валентайн Миллер (1891–1980) – американский писатель и художник. Автор скандальных интеллектуально-эротических романов. Среди самых известных его работ «Тропик Рака» (1934), «Тропик Козерога» (1939), «Под крышами Парижа» (1941) и др.

– Не знаете? Очень жаль. Это прелюбопытнейшая история. В свое время мистер Лоренс увел жену у своего коллеги по преподавательской деятельности – профессора, уважаемого человека мистера Уикли. Господин писатель умудрился запудрить несчастной женщине мозг, развратить её, подчинить себе...

Как иначе можно объяснить внезапное бегство добропорядочной жены и матери из благополучной семьи? Как объяснить тот факт, что она совершенно бездумно бросила троих детей?

«Знаете, мистер Россет... Вы, вероятно, подумаете обо мне плохо, но представьте на мгновение, – на сей раз Барни вспоминал строки из письма, написанного ему вдовой Лоренса, Фридой, – иногда замужняя женщина без памяти влюбляется и, как вы понимаете, не в своего мужа. Это счастье и несчастье одновременно.

Особенно горько, когда приходится выбирать между любовью и долгом перед детьми.

Для скольких женщин многолетний, застоявшийся брак становится могилой. И, кажется, из этой могилы нет выхода, ведь все решено окончательно и бесповоротно.

Только вообразите, мистер Россет, вы живете, и все, как будто, есть: достаток, дети, дом, но вы мертвы. Вы утратили чувствительность, способность радоваться мелочам. И вдруг появляется он».

На сей раз размышления Барни прервал голос его адвоката:

– Вы несколько неправильно понимаете это произведение, а потому попросту вырываете слова из контекста. Меж тем, книга мистера Дэвида Герберта Лоренса не ограничивается словами «трахаться» и «пенис». Прежде всего, это история людей, чьи судьбы искалечила война. Она обрекла их на невозможность нормально жить, полноценно заниматься любовью, наслаждаться супружеской жизнью. И это при том, что, как утверждает автор, героям его еще не исполнилось тридцати лет. Да что там! Героине мистера Лоренса Констанции Чаттерлей, согласно тексту, всего двадцать три года!

Уверен, что каждая женщина, которая находится сегодня в этом зале, могла бы попытаться представить, как ощущает себя молодая жена, лишенная супружеской близости...

История, о которой пойдет речь, началась в 1912 году, ровно за десять лет до рождения Барни Россета. В один из дней молодой английский писатель и педагог Дэвид Герберт Лоренс постучался в дверь дома, в котором проживали его добрый знакомый, коллега, профессор, британский филолог и лингвист Эрнст Уикли, супруга Эрнста – аристократка, баронесса Эмма Мария Фрида Йоганна Фрейн фон Рихтгофен (по мужу – Фрида Уикли), и трое их детей.

Дэвид Герберт Лоренс (1885–1930) – один из ключевых английских писателей начала XX века. В своих произведениях призывал современников открыть себя инстинктивному восприятию природы и эмоциональности. Зрелость и мудрость, по Лоренсу, означают отказ от столь характерного для XIX века рационализма

Никогда прежде не приходилось Лоренсу бывать в гостях у Эрнста. Верно, думал он, у него – Дэвида – всё в порядке с нервами, если он не тушуетя, стоя перед коттеджем этих благополучных людей.

Было бы здорово, если бы сегодня вечером ему удалось договориться о месте преподавателя в Ноттингемском университете. Уикли давно читает там лекции и пользуется авторитетом среди коллег и студентов. Нельзя, конечно, сказать, что данный университет – именно то, о чем Лоренс мечтал долгие годы. Глядишь, сунешься сюда и увязнешь в Ноттингеме на долгие годы и все, что ожидает тебя здесь – тоска зеленая... Впрочем, к чему эти дурацкие мысли?

В последнее время жизнь отвесила мистеру Дэвиду Лоренсу немало тумачков. Сначала он лишился должности школьного учителя («слишком часто и непозволительно долго вы болеете, мистер Лоренс»), затем – что было страшнее всего – ушла в мир иной его любимая матушка.

За несколько месяцев до своей кончины она вдруг начала вспоминать, каким слабым, каким болезненным народился на свет её младшенький. Ему всегда недоставало физических сил, зато Дэйви был самым умным – не только в их семье, но, кажется, во всем Иствуде². Сожалела матушка и о том, что оставляет теперь Дэвида совершенно одного, так и не сумевшего обзавестись ни женой, ни детьми.

Отец Дэвида – Артур Лоренс – был выходцем из северного Мидленда. Впервые спустился он в шахту, будучи десятилетним мальчонкой. Тогда же и начал свою трудовую деятельность. Тяжко добывал Артур пропитание для своей семьи, грамоте обучен не был, частенько ввязывался в драки с соседями, с женой не церемонился, детей баловать привычки не имел.

Мама, к счастью, была полной противоположностью отца. Когда-то Лидия Лоренс работала школьной учительницей. Утонченная, воспитанная, она делала все для того, чтобы её дети выросли образованными и культурными людьми.

Годы спустя, вспоминая свою первую встречу с юным Дэвидом, Форд Мэдокс Форд³ – английский романист, основатель и редактор литературного журнала *The English Review*⁴, рассказывал журналистам:

«Понимая, что для нашего журнала пишут лучшие английские авторы, этот застенчивый молодой человек, тем не менее, отважился предложить нам свои, надо сказать, довольно неплохие рассказы и стихи. И вот, что я вам скажу: я не знал ни одного юноши его возраста, который был бы настолько начитан, как Дэвид. И это, не побоюсь преувеличить, на фоне всеобщей серости».

Но вернёмся же туда, где будущий писатель томился в ожидании у входной двери.

Всё-таки он немного волновался, стоит, наверное, об этом сказать, чтобы Лоренса не посчитали совсем уж бесчувственным. Волновался, когда звякнул колокольчик над крыльцом, когда слышались нарастающие, но легкие, женские шаги, когда дверь вздрогнула, подалась вперед и на пороге появилась... она.

Нет, жену профессора нельзя было назвать красивой, хотя эти иссиня-черные локоны, собранные в аккуратную прическу, этот пылливый, чуть насмешливый взгляд серо-зеленых глаз, глубокий, грудной голос, полная грудь, пожалуй, никого не могли бы оставить равнодушным.

---

² Иствуд – бывший шахтерский городок в округе Брокстоу, Ноттингемшир, Англия

³ Форд Мэдокс Форд (урожденный Джозеф Леопольд Форд Герман Хюффер, официально поменял имя на волне германофобии Первой мировой войны) (1873–1939) – английский писатель, поэт, литературный критик и редактор журналов, чей роман «Солдат всегда солдат» (1915) неизменно присутствует в списках лучших английских романов XX века.

⁴ *The English Review* (Английский обзор) – литературный журнал, издававшийся в Лондоне с 1908 по 1937 г. Сыграл важную роль в развитии английской и американской литературы начала XX века, впервые опубликовав нескольких заметных авторов периода.

Эмма Мария Фрида Йоханна Фрейн, баронесса фон Рихтгофен (1879–1956) родилась в семье немецких аристократов (дальним родственником является легендарный германский летчик-асс времен Первой мировой войны барон Манфред фон Рихтгофен, «Красный Барон»). В 1899 году вышла замуж за британца Эрнеста Уикли, профессора Ноттингемского университета,

переехала в Великобританию, родила троих детей. Занималась переводами немецкой литературы (сказок) на английский язык

«Да, она не в состоянии похвастаться ни стройной фигурой, ни ангельским личиком, ни весенней свежестью, – частенько говаривала о Фриде соседка, – но есть в ней что-то неуловимо прекрасное, что-то, что заставляет проходящих мимо мужчин трепетать, а женщин – зеленеть от зависти».

– Эрнст немного запаздывает, мистер Лоренс. Работа. Или, что не исключено, задержался по дороге. Но это даже неплохо. Никто не будет мешать нам беседовать, – сказала хозяйка и улыбнулась, приглашая гостя проследовать за ней.

У всех, как известно, волнение проявляется по-разному: кто-то начинает нести всякий вздор, кто-то льёт елей⁵, кто-то беспричинно и глупо смеется. Дэвид в такие минуты будто бы каменел, становился молчаливым, настороженным, а отвечая на заданные вопросы, был резок, порой, грубоват.

Уже после смерти Лоренса Фрида вспомнит и опишет эту встречу так:

«В дом вошел высокий, худой мужчина. Он непринужденно вел себя и, казалось, не было в нем ничего особенного, но он все равно заинтересовал меня. За полчаса до обеда я и Дэвид сидели в моей комнате. На окнах развевались занавески. В открытое окно было видно, как резвятся на лужайке мои дети. Мы мирно беседовали и вдруг Лоренс сказал, что он покончил с какими бы то ни было попытками познать женщин.

Он так яростно, с такой желчной ненавистью осуждал представительниц женского пола, что я невольно рассмеялась. Дэвид же покраснел и, как мне тогда показалось, был несказанно доволен тем, что ему удалось меня рассмешить.

Когда мы познакомились ближе, Лоренс поведал мне, что в первый вечер, вечер нашего с ним знакомства, он решил возвращаться домой пешком. Дорога от нашего до его дома занимала около пяти часов. И всё это время он, не отвлекаясь на чужие разговоры, на посторонний шум, мог мечтать, мысленно продолжать разговаривать со мной, вспоминать мой смех, мой голос.

«Ты – самая замечательная женщина в Англии», – писал он мне.

«Откуда ты можешь знать, что я – самая замечательная, – смеялась я, – если ты общался лишь с немногими женщинами в здешних краях?»

Еще остро нуждающиеся в своей матери, нежно привязанные к ней, её очаровательные дети – Барбара, Эльза и Чарльз – то и дело затевали шумные игры и носились вокруг Фриды, отдавшись безудержному веселью. Набегавшись вдоволь, они скрывались в своих комнатах, Эрнст уходил на службу, она же, как это и было заведено в их семье с первого дня их жизни – а совместная жизнь Фриды с мужем продолжалась чуть более десяти лет – удобно устраивалась за письменным столом и принималась переводить сказки с немецкого на английский язык.

Прежде это занятие всецело увлекало её, но в последние дни ей недоставало собранности. В своих мыслях Фрида была далека от этого дома, от этой комнаты, этого стола... Образ в чем-то трогательного, беззащитного и в то же время ершистого молодого человека то и дело проникал в её сознание.

Он странный. Порой кажется колючим, но глаза у него хорошие: умные, ласковые, проникательные и лукавые одновременно. А еще он прост. Иногда неприятно, беспардонно прост: обращается к ней, как к равной. К ней – женщине, которая определенно выше его по статусу, к женщине, которую никогда не видел прежде. Правда, в этом есть своя пикантность. Они как-

---

⁵ Елей – оливковое масло, используемое в богослужениях. «Лить елей» – льстить, выказывать подобоострастие.

то удивительно быстро нашли общие темы для разговора и, кажется, умудрились понравиться друг другу.

Вероятно, все дело в том, что оба они одиноки – она и мистер Лоренс. И это несмотря на то, что у неё есть муж, семья. Быть может, у него тоже кто-то есть, и он просто подшучивал над ней?

Фрида ощутила тревогу, укол неизвестно откуда взявшейся ревности, нежность, желание немедленно оказаться рядом с ним, попытаться уловить его настроение, спрашивать, слушать, убежать, прятаться... Не может быть, чтобы у него не было женщины.

Боже, какими глупостями забита её голова. Какое ей дело до его личной жизни, ведь у нее муж, дочери, сын...

Напоминание о детях отрезвляло, возвращало на грешную землю. Фрида мрачнела, и склонялась над своими тетрадами.

«Мой брак казался удачным, – писала Фрида позже. – У меня было все, о чем только может мечтать женщина, но я жила, как сомнамбула⁶. Лоренс, его появление словно пробудило меня ото сна.

Я не любила общество, не признавала его, и в то же время чувствовала себя одинокой и изолированной ото всего живого. Нет, я не испытывала и не проявляла агрессии ни к окружающим меня, ни к посторонним людям, но спокойно чувствовать себя среди них никак не могла».

Позже, в «Любовнике леди Чаттерлей» – своём последнем, самом скандальном, как назовут его критики, романе – Лоренс расскажет читателям, какой он увидел супругу Эрнста, какой запомнил:

«Все было словно сон, вернее, как симуляция действительности. Она сама была, как кто-то, о ком она читала. Для нее не было ничего конкретного, никакого контакта с жизнью».

Дэвид начал появляться в их доме все чаще: поначалу с деловыми разговорами, затем захаживал на чай, наконец, стал гостем на всех семейных праздниках в доме Уикли. Вот уж и дети встречали дядюшку радостными возгласами.

– А мы пойдем сегодня пускать кораблики по реке, мистер Дэвид? В прошлую среду вы обещали, помните?

– Конечно пойдем. Отчего же нет?

Фрида смотрела на воду и думала о том, как стремительно было течение реки, по которой её новый знакомый вместе с её чадами отправлял в плавание самодельные кораблики. Благодаря Лоренсу она, неожиданно, ощутила себя одним из этих корабликов. Она вдруг понеслась по течению жизни, не осознавая, чем закончится для нее это путешествие.

Лоренс – медленнодействующий яд для их с мужем семьи: для нее – целительный – так ей хотелось думать в те дни, для ничего не подозревающего, преступно легкомысленного Эрнста – почти смертельный.

Стоило Дэвиду возникнуть на пороге их дома в очередной раз, Фрида явственно начала ощущать, как жар охватывает все её тело, как пульсирует у нее в висках, как дрожат её руки.

Неизбежно наступит момент, когда им с Лоренсом придется признать, что их прежним семьям – если, конечно, у Лоренса кто-то есть – пришел конец. Если же у него никого, пострадает только одна – её – семья, но от этого легче не становится.

Дэвид боялся женщин, нужно было признать это, он боялся привязаться к одной из них, боялся полюбить. Ведь полюбить – все равно, что сделаться уязвимым.

---

⁶ Сомнамбула – человек, не осознающий своих действий, лунатик.

С детства наблюдая за бесконечно воюющими отцом и матерью, он сделал вывод: ничего хорошего от отношений мужчины и женщины не жди. Недопонимание, нежелание уступать друг другу надолго ранят, выбивают из седла, калечат психику, душу. Ты уже не можешь смотреть на мир столь же безоблачно, столь же радостно после встречи с изранившей тебя женщиной, как бывало это до знакомства с ней.

Если она уходит от тебя, ты словно застываешь в моменте и пытаешься все исправить, вернуть. На эти попытки могут уйти месяцы, годы, вся твоя жизнь. Но даже в этом случае ты рискуешь остаться ни с чем.

У него уже был печальный опыт с Джесси – дочерью друзей его родителей.

«Мы много читали, много говорили, но едва ли осознавали внешний мир».

Прелестная, начитанная, добросердечная, она, словно бабочка, помахала перед его носом своими разноцветными крылышками и улетела.

Но Фрида... Фрида не была девочкой, она была женщиной – живой, теплой, жизнерадостной, манкой, умной, понимающей его с полуслова. В её присутствии все вокруг наполнялось жизнью, красками, музыкой, светом, радостью...

Дэвида тянуло к ней со страшной силой. И даже в те минуты, часы, когда её не было рядом, он мечтал о ней, чувствовал её, ощущал запах её сигарет, улавливал терпкий, травянистый аромат её духов.

Эрнст... А что Эрнст? Образ её мужа был столь бледен, столь размыт на её фоне. То, что думал о нем Дэвид, то, как смотрел на его жену, было настоящей подлостью с точки зрения порядочного, высокоморального человека. Но... Это жизнь.

– Твой муж для тебя – пустое место.

Шепнув это, Лоренс незаметно для окружающих погладил родинку у нее за ухом, коснулся губами её шеи.

В этих словах, очевидно, была грязь – так Фрида восприняла слова Дэвида. Но в них была и правда.

«Лоренс видел меня насквозь. Очень быстро я поняла, что он любит меня, хочет меня, но мое «я» было напугано, оно уклонялось, оно металось точно дикое животное».

Эрнст Уикли (1865–1954) – британский филолог, профессор, автор многих значимых работ по этимологии, в том числе Этимологического словаря современного английского языка (1921). С 1898 по 1938 год являлся профессором современных языков в Ноттингемском университете. На фотографии с супругой, Фридой Уикли

Будем откровенны: далеко не каждому выпадает такой шанс – проснуться и почувствовать счастье. Какое оно – счастье, о котором все без умолку твердят?

Лишь единицы способны оставить все и последовать за любовью, не будучи при этом уверены в том, любовь ли это или морок⁷.

Фрида с удивлением отмечала: когда Дэвид впервые овладел ею, она заново открыла для себя отношения мужчины и женщины. Это было чувство, которое делало её легкомысленной, лишало необходимости контролировать все, что с ней происходит, докучной необходимости держать себя в узде. Но главное, чувство это избавляло её от гнетущего одиночества, делало её счастливой, полноценной. С Лоренсом она начинала понимать, что такое быть в ладу с миром, что такое любить все сущее.

Когда любовники расставались, когда возвращались каждый в свой дом, её одолевали противоречия и чувство вины перед мужем. Это давящее ощущение ежесекундно раздирало её, не давало уснуть, заставляло плакать, требовало уединения.

Фрида убегала в сад. Лишь бы только Эрнст не нашел её – заплаканную – теперь, не испугался, не начал допытываться, в чем дело и не допытался. Как же это отвратительно, ведь муж так доверял ей.

Но уже через некоторое время она начинала оправдывать себя, яростно во всем обвиняя Эрнста: это он за столько лет не смог почувствовать, что ей надобно, он не смог попытаться её понять – да и стремился ли. Это он, с его эгоистической натурой не умел её любить так, чтобы она ощущала себя настоящей женщиной.

Долго подобное не могло продолжаться. Нужно было на что-то решаться.

И Фрида набралась смелости. Она достала чемоданы, написала записку и отвезла детей к своим родителям.

Аристократ, умница, иногда несдержанный в словах и поступках, на этот раз её отец сидел перед ней совершенно раздавленный.

– Ты в своем уме? И это моя дочь... Дочь, которая всегда была такой рассудительной. Ради чего ты отрекаешься от сытой, беззаботной жизни? Ради кого? Нищий шахтер! Что он может дать тебе?

– Он писатель, папа. И учитель.

– Это абсолютно ничего не меняет. Писатель...

Отец презрительно усмехнулся.

– Я всегда была слишком рассудительной – тут ты, конечно, прав. Но, знаешь, именно эта рассудительность надолго отрезала меня от жизни, она ограничила меня, она связала меня по рукам и ногам, она погребла меня заживо.

Спустя сорок два дня после их знакомства двадцатилетний Лоренс и тридцатидесятилетняя Фрида встретились на железнодорожной станции. Презрев условности, дочь аристократа и сын шахтера отправлялись в новую, как они надеялись, сулившую им безграничное счастье, жизнь.

А спустя шестнадцать лет Дэвид начал писать роман, в котором егеря Меллорс и леди Констанция Чаттерлей повторяли их с Фридой побег в безумие.

Стать мужем и женой официально Фриде и Лоренсу удалось лишь спустя два года после отъезда, а именно в 1914 году, когда Эрнст Уикли окончательно понял: его жена ни за что не вернется в их супружескую постель. Ни совместно прожитые годы, ни дети, ни дом, который она, казалось, так любила, не были теперь дороги этой беспутной женщине. Она бросила все и всех. Ради какого-то мальчишки... Зачем? Почему?

Фрида и сама время от времени задавала себе эти вопросы. Действительность оказалась не такой радужной, какой представляла её она, пускаясь в бег с Лоренсом. В письмах, адресованных близким подругам, эта зрелая, вполне рассудительная и, как оказалось, не совсем бесстрашная женщина делилась своими сомнениями, страхами, переживаниями.

---

⁷ Морок – что-либо одурманивающее рассудок

Она, конечно, очень любит Дэвида, но разве Фрида могла знать, решаясь на авантюру, что ей придется так «непереносимо тяжело»?

Дэвид и Фрида Лоренс

Быть может, кому-то кажется, что она сбежала от мужа и детей в поисках легкой, беспроblemной, сладкой жизни? Способны ли они представить, как ей теперь невесело? Нынче она в шутку величает себя баронессой в лохмотьях. Ради любви пришлось поступиться всем: она оставила детей, лишилась привычного уклада жизни, комфорта, безбедного существования, которые еще вчера обеспечивал ей муж. Теперь Фриде не приходится рассчитывать на ужины из нескольких блюд.

«У нас с Лоренсом была острая нехватка денег. Довольствовались тем, к чему привык и что любил есть Дэвид: свежие яйца из-под кур, черный, кислый хлеб. В сезон собирали ягоды, грибы».

Материальные проблемы, однако, были сущей ерундой по сравнению с одолевавшими Фриду душевными терзаниями: как обходятся без нее дети, ведь они так малы. Не срывает ли на них гнев обезумевший от полученных известий об измене жены Эрнст?

Узнав о случившемся, он, кажется, спятил от горя, ярости и обиды.

Ее – теперь бывший – муж (развод был делом времени) – в первые месяцы отсутствия Фриды писал ей письма. В письмах этих он то умолял, то угрожал, то плакал.

«Я попытаюсь простить тебя, и мы начнем нашу жизнь с чистого листа. Я попытаюсь никогда не вспоминать и не укорять тебя за то, что ты сделала с нашей семьей. Но в том случае, если ты не вернешься, запомни: никогда, никогда более ты не увидишь своих дочерей и сына. Ты будешь лишена всякой возможности общаться с ними, а я позабочусь о том, чтобы наши дети не получали письма от тебя.

Ты сама сделала этот выбор. Ты сама ушла из жизни наших малюток».

Фрида страдала, но оставить Дэвида не могла. Пути назад нет, выбор сделан. Лоренс был её любовником, но вместе с тем он был и её четвертым – болезненным, более остальных нуждающимся в опеке ребенком. Нет, она не могла оставить его.

– Помнишь, ты пришел однажды, и я спросила, почему тебя разбирает кашель? Ты ответил: «Ерунда. Легкая простуда».

– Я не хотел волновать тебя, Фрида. Всё пройдет. Спи.

– Все пройдет. И война, верно?

– И война.

«Итак, – писал Эрнст, – это было твое и только твое решение. Я подготовлю документы для развода. Дети останутся со мной, ведь, как ты знаешь, Фрида, женщина, совершившая прелюбодеяние, не имеет никакого права заниматься дальнейшим воспитанием своих чад».

Вечерами, оставшись наедине с зеркалом, Фрида подолгу всматривалась в свое отражение. Она даже хорошенькой могла назвать себя с превеликим трудом. Что Лоренс мог найти в ней?

Много позже, читая рукопись его последнего романа, она отыщет ответ на свое любопытство: в той Фриде, какой он увидел её в доме мужа, не было «ни резины, ни платины» современных женщин, сметающих все на своем пути. Зато в ней была «хрупкость диких гиацинтов», податливость и готовность довериться мужчине.

И все-таки она страдала от сомнений, которые с каждым новым днем разъедали её все больше. Еще несколько лет – а время, как известно, скоротечно, – и она начнет неумолимо стареть. Дэвид еще молодой мужчина и он непременно найдет ей замену. С кем, с чем она останется тогда?

– Я и не предполагал, что ты можешь быть такой глупенькой, – услышав о её страхах, смеялся Лоренс. – Разве возраст имеет хоть какое-нибудь значение? Прелесть в таланте жить и у тебя он есть. Это редкое явление среди людей.

Был этот талант и у самого Лоренса. Близкий друг семьи Дэвида и Фриды, поверенный в делах писателя, его соотечественник и коллега Олдос Хаксли вспоминал:

«Быть с Дэвидом Лоренсом – означало совершать своего рода путешествие, полное истине увлекательных открытий. Одним из его величайших достоинств было то, что Лоренс не имел понятия о том, что такое скука. Он жил сегодня, сейчас, и полностью был поглощен тем, чем занимался в тот или иной момент. Ни одно занятие не считал он пустяковым. Принимаясь за дело, Дэвид всегда выполнял работу на совесть.

Олдос Леонард Хаксли (1894–1963) – английский прозаик, писатель-фантаст, новеллист и философ. Был номинирован на Нобелевскую премию по литературе семь раз, в 1938, 1939, 1955, 1959, 1960, 1961 и 1963 годах. Автор таких работ, как «О дивный новый мир» (1932), «Вечная философия» (1945) и других

Для Лоренса не было проблемой приготовить ужин, сшить рубашку, заштопать чулок. Он запрос то мог подоить корову и был непревзойденным дровосеком. А уж если Дэвид брался вымыть миски после обеда или ужина, они так и сияли.

Если же он бездельничал, то и в этом находил свое удовольствие и, что совершенно замечательно, заражал этим удовольствием окружающих».

Только одно серьезно омрачало жизнь Лоренса – участившиеся приступы пневмонии. В свое время именно болезнь легких спасла его от работы в шахте – рядом с отцом, но этот же недуг не позволил ему сделать карьеру в школе, а затем и в университете. Непросто это – читать лекции, задыхаясь от кашля. Люди редко думают о том, какое это благо – свободно дышать.

В сложившейся ситуации работа писателя стала для Дэвида настоящим спасением.

Как уже упоминалось, через шестнадцать лет после того, как Фрида вручила ему на железнодорожной станции свои чемоданы, а с ними и свою судьбу, Лоренс приступил к работе над своей последней – самой прочувствованной, самой скандальной книгой.

12 декабря 1927 года измученный в который раз обострившейся болезнью, Дэвид сообщал одному из своих друзей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.